

*«...Ленин
проверял теорию
опытом
революционной
практики,
делал выводы
и этими выводами
обогащал
революционную
теорию».*

*Слушайте
первую
звуковую
страницу.*

Ленин-революционер был одновременно ученым, но не во имя науки вообще. Он рассматривал марксистскую науку как величайший вклад в революционную борьбу. Каутский говорил, что философия— это, мол, частное дело члена партии и организация не должна вмешиваться в его философские взгляды. Ленин же не допускал и мысли об отделении философии от политики.

Характерно, что до 1908 года В. И. Ленин специально философских трудов не писал. Но после поражения русской революции 1905 года наступил период реакции. В этих условиях некоторые деятели большевистской партии, такие, как А. А. Богданов и А. В. Луначар-

*В ЗВУКОВУЮ
КНИГУ О
В. И. ЛЕНИНЕ*

ДАР

ский, в вопросах философии стали на идеалистические позиции, даже на путь богоискательства и создали оппозиционную фракцию в партии.

Владимир Ильич увидел, что проникновение в ряды партии идеалистической философии наносит ущерб революционному делу, что именно эта область знания становится важнейшим звеном внутрипартийной борьбы. Он активно взялся за изучение философии и, осмыслив новейшие научные достижения и открытия в области естествознания, написал гениальный труд «Материализм и эмпириокритицизм». Эта книга явилась не только защитой марксизма, но и новым словом в филосо-

*В. И. Ленин.
Рисунок с натуры
Н. А. Андреева. 1920 год.*

фии. Ленин разбил в пух и прах идеалистические извращения, спас партию от удара с этой стороны.

Накануне Октября, скрываясь от преследований буржуазного правительства, Ленин создает научный труд «Государство и революция». Он говорил, что это не просто научная проблема. Это вопрос и практической деятельности масс, это то, что мы должны решить завтра. Ленин отмечал, что он не успел окончить эту книгу: помешало наступление Октябрьской революции. Но «такой «помехе» можно только радоваться...— писал он в послесловии к первому изданию,— приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

ПРЕДВИДЕНИЯ

О Ленине — революционере, ученом, государственном деятеле уже много написано и еще будет написано больше. Мое слово лишь некоторые размышления, воспоминания, навеянные отдельными событиями и фактами, связанные с революционной деятельностью Владимира Ильича.

Что больше всего поражает и восхищает в Ленине — революционере, ученом и государственном деятеле?

Мне кажется, в первую очередь,— это дар предвидения...

А. И. МИКОЯН

Москва, ноябрь, 1969 г.

Яков ТУБЛИН

Великое имя Ленин
Рифмуется с наступлением,
С прозреньем,
С преодолением,
С распахнутой целной,
Но не рифмуется с ленью,
С подогнутыми коленями,
Но не рифмуется Ленин
Ни с робостью, ни с войной.
Рифмуется с чистым небом,
Рифмуется с честным хлебом,
С орбитами космонавтов,
С возбужденною рекой.
Рифмуется это слово
Со всем молодым и новым,
Но не рифмуется Ленин
С удобным словом «попой».
Рифмуется слово Ленин
С лирическим стихотвореньем,
С рождением человека.
С коротким словом «вперед»,
Со взглядом простым и ясным,
Со знаменем нашим красным.
Со всем, что под этим знаменем
Навек отстоял народ.

Борис ОЛЕЙНИК

Отрывок
из поэмы

Познавал я Ленина
без экскурсоводов —
Не было музеев в нашем селе.
Но когда усядутся
деды на колоде,—
Лучше всех политиков на земле.
Вообще, у нас говорят,
как ходит:
Прямо, полноростно, напрямик.
По любой дороге, при любой
погоде
Чешет сельский труженник,
норовист.
Так, значит, и я,
молодо-зелено,
Решился спросить
почтенный совет:
— Очень уж складно
речете вы о Ленине,
Как бы мне дойти,
дайте совет,
До той самой книжечки
или брошюры,
Где о всем узнать вам довелось?

Посмотрели деды на меня хмуро
И сказали так: — Молокосос!..
Ленин был великий человек.
Не в брошюрах, а на самом деле.
Гениев не часто дает нам свет,
Но коли дает, так на вечность
целую.

Если хочешь истину познать,
Чтобы не остаться вечно серым,
Мало сотню книжек прочитать —
Ленина прочти открытым сердцем.

Перевод с украинского
Н. Котенко.

Петр ВЕГИН

Посвящается итальянскому
художнику Бруно Карузо.

...А срисовывать не с кого.
Есть бумага, есть воображение,
есть души и бумаги святое
сближение.
22 карандашных рисунка
по стенам расклеено —
не хватает штриха или тени
до настоящего Ленина.

Вородач,
флорентийский кудесник,
звезда поколения,
говоришь: «Не могу в Мавзолей,
не могу рисовать параллельного,
Остроглазого Ленина — только
с природы,
как в Лонжюмо или Смольном...»
А за окнами —
время, охрипшее от полемики,
над Флоренцией —

Леты беспечной течение.
Среди сотен натуралистов
для Боттичелли
ты по улицам бродишь,
оглидывая современников.

Так устроено время,
и не обесудьте,
что в чертах приходящего
поколения
простуает лицо предыдущего
гения,
как в расплывчатом
карандашном рисунке.
Значит, надо искать
в каждом встречном
на перекрестке
штрих, которого так не хватает
в твоем карандашном наброске,
и с людьми

и с бумагой
искать напряженно сближения,
понимая явления времени —
как явление Ленина...

СИБИРСКИЙ ОКЕАН

ПЕРВЫЙ К ПОРТРЕТУ
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ

Паскаль сказал: «Самое важное в жизни — выбрать ремесло, и выбор этот зависит от случая».

Юрий Георгиевич Зравье выбрал именно геологию полог случай. В 1929 году его вагонным попутчиком оказался прораб, буривший газоную скважину где-то на Мелитопольщине. Он и предложил «временно» рабфактовцу по-пробовать себя, поработать у него на буровой...

В русско-немецком словаре двадцатидвуухетней давности нет таких слов, как «геолог» или «геологический». Поиск нефти и газа в Темечской области тогда только начинался. Первый мощный газонный фонтан в Березове взметнулся в облаках в 1963 году, в начале тюменской биографии Ю. Зравье. А дожде за плечами у него уже была работа в Приазовье, Кривом Роге, Киеве, на Черниговщине, в Рязани, Одессе. Потом война, действующая армия...

Портреты, кто же важнее — геологоразведчики или адущие пледом за ними нефтяники? Сейчас, когда фантастические нефтяные и газонные запасы Западной Сибири, главным открытием пятидесяти и открытием века, «разведаны и защищены», Юрий Георгиевич Зравье опасается от того, чтобы принимать чью-то сторону в данном споре. Он знает — все они делают одно дело: приближают к жизни новый, Сибирский океан.

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Тюмень

3

Фрагменты рабочего дня начальника Управления в ожидании радиопрограммы из экспедиции; перелет на буровую; беседа с коллегами в лаборатории.

Фото А. Видова

ОДНАЖДЫ В СЕНТЯБРЕ

...Вертолет шел низко, как бы стлался над землей. Туман. После долгих уговоров нас выпустили из Салехарда в Тазовское по самовиданию. Задания эти даются даже тогда, когда нет летной погоды: где-то есть больной, которому нужна срочная врачебная помощь.

Мы тоже летим к больному...
Последние дни сентября 1962 г.

ками спрашиваю: что это? Куропатки! Я знал, что на нашем Севере водятся белые куропатки, но никогда не предполагал, что их так много.

Почти восемь часов продолжался полет до Тазовского с небольшой остановкой для заправки вертолета.

Погода в Тазовском лучше, и фонтанирующая скважина далеко видна. Без посадки в порту пролетели прямо на буровую.

но вырывались газ с водой. Вверх со страшной силой летели большие куски породы. От их ударов левая сторона А-образной вышки деформировалась, крышу дизельного сарая во многих местах пробило кусками породы.

Борьба с фонтаном оказалась нелегкой, стихия разбушевалась не на шутку. Дело усложнили наступившие морозы и безветрие. Вылетающая из скважины вода

погода на пределе. низкие, равные, свинцово-серые облака быстро несет северный ветер.

Изредка срывается морозящий дождь.

Перечитываю радиограмму: «Вчера 27 сентября 14.15 скважине Р-1 Тазовской внезапно возник газо-водной фонтан большой силы непрерывно вылетают крупные куски породы разрушают вышку т.ч. жертв нет т.ч.»

Летим на высоте пятидесяти — семидесяти метров. Под нами — тундра, тусклая, осенняя. Так близко с воздуха я ее вижу впервые. Какие-то белые хлопья беспрерывно взлетают на пути. Зна-

Фонтан поднимался на высоту более двухсот метров. Постепенно расширяясь, образовывал вверху огромное облако, которое ветер сносил в сторону, и оно шлейфом тянулось от фонтана, ключьями отрываясь за километр от него.

К гулу мотора примешался какой-то посторонний звук, сначала робко, затем настойчиво, и, наконец, когда мы сели в трехстах метрах от скважины, звук этот — рев фонтана — заглушил рев вертолета.

Пошли и буровой. Путь то и дело переграждали потоки воды, стекавшие с крутого берега в реку Таз. Из скважины стремитель-

стала замерзать и падать ледяной крупой на людей. На устье скважины образовался ледяной конус. Его приходилось непрерывно сбивать.

Обуздали фонтан 23 октября.

Это было первое газовое месторождение с запасами более 120 миллиардов кубометров, открытое на Тюменском Севере.

Ю. ЭРВЬЕ,

Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии,
начальник Тюменского
ордена Ленина
геологического управления

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ.

НА ВИДУ

У ЗЕМЛИ

Воздух дрожит от знойного стрекота музечников. Пахнет желтыми одуванчиками и малиновым илевером. Деревня — обитаемый остров посреди лугов. Шагают долговязые столбы вдоль дороги. Летнее солнце бьет по проводам, и они, стальные, накаются позолоченными. Пыльная дорога, меченая крестниками куриных лап. А по бокам дороги два мерных ряда бревенчатых изб.

Все так же, как во времена его детства. И ничем не отличающийся от прочих дом, в котором он родился, хотя и стоит теперь в семнадцати километрах отсюда, легко вписывается в эту мирную улицу. Достаточно лишь мысленно увидеть его и перенести силой воображения из Гжатска в Клушино. Из города Гагарина в совхоз имени Гагарина.

Я видел эту неказистую, сложенную из старых, серых, как от пыли, бревен избу, с разошедшимися переплетами окон, с кряхтящими по-стариковски приступками, с темной, осевшей крышей. Она теперь нежилая, эта неловко нувставущая себя в городе клушинская изба. И, словно извиняясь за свою неприглядность, подслеповато смотрит она из тени на новый, отороченный садом дом, который красуется напротив

нее на солнечной стороне Ленинградской улицы. В нем живут теперь Гагарины-старшие.

Я мысленно снова примеряю ту заброшенную избу и Клушину и снова убеждаюсь: здесь бы она пришлась и месту, хорошо бы вернуть ее на эту деревенскую улицу. Потому что там, где родина героя, должна стоять и изба, в которой родился герой.

Он никогда не стыдился своего деревенского происхождения: много раз вспоминал свою равнинную родину и чистосердечно смеялся, когда по заграничным газетам пошла гулять выдумка о том, что он, крестьянский сын Юрий Гагарин, на самом деле потомок знатного рода князей Гагариных. Перед поездкой в Клушино я полюбопытствовал: чем же прославили отечество эти самые родовитые князья Гагарины? И что же оназалось? Один из них, Матвей Петрович, казнен в 1721 году «за злоупотребление власти и упорство в укрытии пособников»; другой, Роман Иванович, после ни к чему не приведшей попытки свергнуть Василия Шуй-

ского переметнулся в лагерь Тушинского вора, которого позднее рьяно обличал. Еще один Гагарин, Павел Павлович, прилагал все старания к тому, чтобы не допустить отмены крепостного права. Имеется среди представителей этой именитой фамилии и такой, над которым всю жизнь тяготело подозрение, что не кто иной, как он, был автором анонимных писем, приведших к дуэли и гибели Пушкина.

Что общего, кроме случайного совпадения фамилии, между героем земного шара Юрием Гагариным и многочисленными бесславно прошедшими по земле князьями Гагариными?..

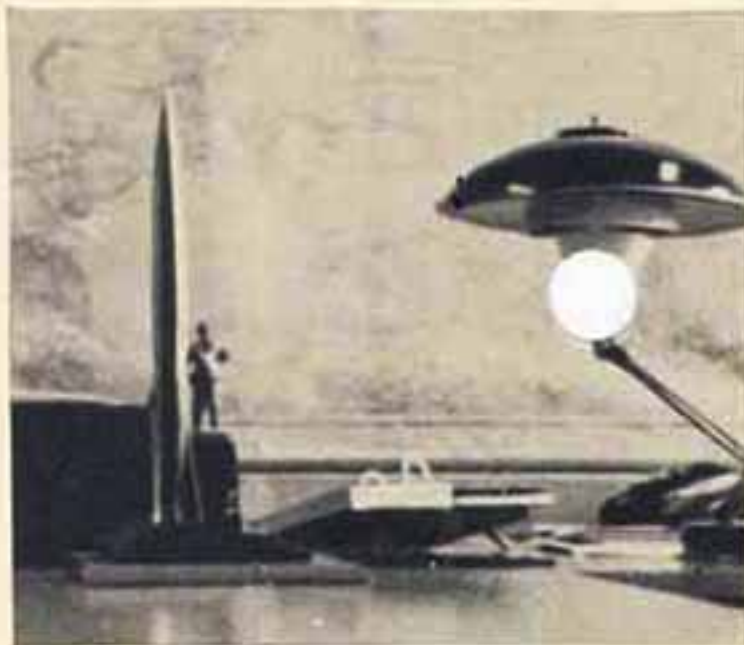
Стать героем, признанным всем человечеством, в наше сложное время не так-то просто. А он стал им. О том, что Юрий Гагарин открыл новую эру, первыми написали американские газеты. Колумбом космоса первыми его назвали французы. Первым, кто сказал, что полет Юрия Гагарина является величайшим научным достижением в истории человечества, был английский ученый, и, ко-

нечно же, первыми, кого он полюбил навсегда, были мы, его соотечественники. Человечество было единодушно, преклоняясь перед подвигом Юрия Гагарина. И оно всегда будет единодушным в своем восхищении голубоглазым героем с открытой улыбкой, потому что он был из тех людей, которого каждый хотел бы иметь в числе самых близких друзей. Он был гражданином мира, оставаясь сыном своей Родины.

Однажды его спросили, какое чувство он испытал, став Героем Советского Союза. И Юрий Гагарин ответил так:

— Взгляните на эту золотую звездочку. На ней выбит порядко-

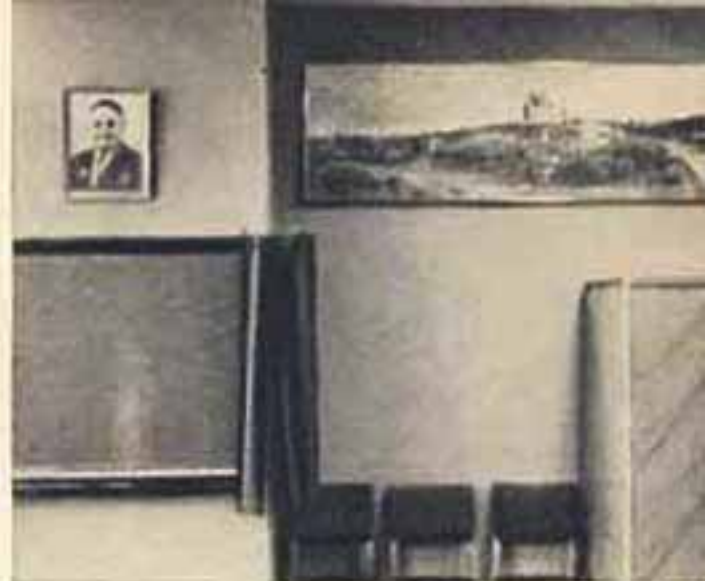

вый номер. Это значит, что до меня были герои и что будут герои после меня. Этот номер не конечный.

Так он понимал свое место в жизни, потому что к такому пониманию жизни он приобщился с детства, в дружелюбном бревенчатом доме, который обязательно должен вернуться на деревенскую улицу, где пыльно и знойно, где, подгоняя ленивое стадо, щелкает мнотом босоногий подпасок, голубоглазый, как Юрий Гагарин.

Адольф ДИХТЯРЬ

Фото Д. Ухтомского
и Л. Назарова.

Биография Ю. А. Гагарина — в пяти фотографиях на этих страницах. Дом, где он родился, и земля, которую он так любил и которую первым увидел из космоса. Школьный черная доска в рабочей комнате космонавтов — здесь, собственно, и происходила подготовка и полетам — и письменный стол с календарем, открытым на 27 марта 1967 года. 24 марта Гагарин был дома, в семье, со своими девочками, — это последний его снимок.

На четвертой звуковой странице слушайте песню-репортаж Юрия Назарова «Орбита начинается с Земли».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ.

*«Вблизи Магелланского пролива
и против мыса Добрая Надежда, около
53 градусов полуденной широты,
великие льды ходят, почему сомневаться
не должно, что в большем отдалении
острова и матерая земля многими
и несходящими снегами покрыты и что
большая обширность земной поверхности
около южного полюса занята оными,
чем на севере».*

М. В. Ломоносов.

*«У нас на юге минус
восемьдесят» —
так называется репортаж
корреспондента «Кругозора»
Константина Никитенко,
который вы услышите
на пятой
звуковой странице.*

5

Извечная загадка была решена. Ф. Ф. Беллинсгаузен, и М. П. Лазарев совершили великое географическое открытие: ровно сто пятьдесят лет назад, 28 января 1820 года, русские моряки увидели ледяной континент — Антарктиду. Совершив плавание вокруг него, они еще четыре раза подходили к открытому ими материкову.

Но прошли десятилетия, прежде чем на землю южного материка высадился человек. Этим человеком был норвежский исследователь К. Борхгревинк, который в 1898 — 1900 годы организовал первую антарктическую экспедицию.

Автору этих строк довелось зимовать в ледяной стране спустя почти шестьдесят лет. К этому времени там работало шесть советских станций: обсерватория «Мирный», «Оазис», «Пионерская», «Комсомольская», «Восток» и «Советская». Четыре последних, внутриконтинентальные, были организованы в районах, куда не ступала еще нога человека, куда нам предстояло ступить в полном смысле этого слова. Ступить и, преодолев все «сюрпризы» ледяного материка, достигнуть полюса недоступности.

Как на родной земле.

*В зеркале метеошара
изображение перевернуто.*

Чем южнее — тем холоднее.

Транспорт ледовых дорог.

Связь с Большой землей.

Фото
Г. Копцова.

Пожалуй, впервые в этом походе я услышал голос Антарктиды. Наш тракторный поезд двигался в глубь материка. Тягачи буквально тонули в сыпучем снегу. У них то и дело ломались «пальцы» — так называются соединительные крепления. Когда миновали «Советскую», остановились для ремонта гусениц. И вдруг от удара кувалды по металлу Антарктида буквально взревела. Удар прозвучал с такой страшной силой, как будто тысячи рук били по пустой деревянной бочке, только звук был во много раз мощнее. Материк грохотал. Это нас испугало. Мы вызвали самолет для разведки, но он ничего опасного не обнаружил. Просто ледяной континент как будто противился его покорению.

А мы? Мы двинулись к полюсу недоступности.

Во время этой экспедиции был открыт и полюс холода нашей планеты. Минимальная температура воздуха здесь была минус 88,4°. При такой температуре металл делается хрупким, а керосин не воспламеняется даже от горящего фанела. Нынешние зимовники, работающие в этих условиях, проводят свои наблюдения в спе-

СТРАНА МУЖЧИН

Е. ТОЛСТИКОВ,
Герой Советского Союза,
кандидат географических наук

циальных масках, напоминающих шлем космонавта. У нас тогда не было ничего подобного. Мы надевали на лицо меховую маску со шлангом от кислородного прибора. Конец шланга прятали под одеждой и дышали «самообогретым» воздухом.

Наша экспедиция в Антарктиду была третьей. Нынче там работает пятнадцатая. И как результат многолетней героической работы моих соотечественников и зарубежных ученых — первый в мире, изданный у нас атлас Антарктиды. В нем собран и научно обоснован гигантский героический труд людей, исследователей, осваивающих, порой ценою собственной жизни, южный материк.

Ученые двенадцати стран проводят в Антарктиде научные работы. Они подписали первый в истории международный договор о мирном использовании ледовой страны, ставшей для людей всей планеты страной солидарности, мужества, героизма. Страной отважных мужчин.

Имант АУЗИНЬ

Когда я тебя люблю,
то воробьев люблю;
пусная воробьи чирикают,
чтоб мы могли помолчать.

Когда я тебя люблю,
то даже дожди люблю;
чтоб не было очень сухо,
должны дожди в водостоках ворчать.

Когда я тебя люблю, даже окна
в трясинах люблю;
летом канавы пересыхают,
и в болота приходят олени пить.

Когда я тебя люблю, даже кошек
терплю.

понимаю:
кому-то ночами в мире
надо мышей ловить.

Когда я тебя люблю, мне кажется,
ни на волос
ольха, ей-богу, не хуже,
чем пальма или бамбук.

Когда я тебя люблю, когда
я слышу твой голос,
я даже жить в этом мире
могу.

Перевод с латышского
Л. Ждановой.

Амо САГИЯН

Нет, не зовите, не сулите рай!
Как я могу оставить этот край?
Как я переселюсь в другой
предел,
Где нет айренов, песен «оравел»?

Я думаю с тревогой и со страхом
Про жизнь свою и смерть
в земле иной.
Пусть смертный, я и здесь
смешаюсь с прахом,
Но здесь моя земля и прах
родной.

Мне счастья не найти в чужих
долинах,
В краю ином, где б вскоре
я зачах,

Нет столько солнца в снеге
на вершинах,
Нет столько снега в солнечных
лучах.

Как я уйду с земли, где каждый
камень,
Ручей, и борозда, и старый сад
В мои глаза моими же глазами,
Глазами детства пристально
глядят?

Земля моя, я на любые беды
Готов идти с тобой, тебя люблю.
Как поднимусь я и куда уеду,
Как жить я буду где-то без тебя?
Как жить я буду где-то без себя?

Баллада о семи всадниках

Семь раз пропел на дворе петух,
И даль озарилась семью огнями.
Семь раз зажегся, семь раз потух
Свет молний ночных за семью

горами,
Семь раз прогудел колокольный
звон.

Семь филинов взмыло с ветвей
тополиных,
Семь вражеских ратей с семи

сторон
Расположились в семи долинах.
Забилась тревогою семь сердец,
И семь богатырских коней

заржали.
И семь молодцов — и молодцу
молодец —

В семь разных сторон на врага
поснакали.
Они поснакали, как семь смерчей,
Как семь ураганов, как семь
смертей,

Как семь предвестий, как семь
видений.

В семи долинах семь дней
и ночей

Пылало пламя семи сражений.
Звенело оружие, и в блеске огня
Семь всадников бились семью
мечами.

И лишь на закате седьмого дня
Семь орд отошли и утихло пламя.
И семь коней проржали в горах,
Старухи семь раз прорыдали

впотьмах,
Отцам семи героев приснилось,
В седьмую ночь семь нерадостных
снов.

Приснилось, что выпало семь
зубов,

Что семь оборвалось плетеных
мостов.

Семь белых саванов износилось.
На свете прошло семь дней

и ночей,
Окрашенных кровью семь зорь
отмелькали.

Семь взмыленных, семь одиноких
коней

В селение без седоков приснакали,
Пугая женщин, детей, старинов.

Семь верных коней без семи
седоков.

Читали в церквах, как велит
наш закон,

Псалмы семь недель и семь
дней в неделе.

И плакали семь овдовевших жен,
И семь младенцев в семи
колыбелях.

Минуло семь лет и еще семь лет,
И семь столетий друг друга
сменили.

Семь вражеских орд...
Где их память, их след?

Их люди проклинали и позабыли!
А тех семерых покоится прах

В семи сторонах на семи холмах.
И помнят потомки до нынешних
дней

Семь песен о подвигах их
незабвенных.

Семижды в году семь нетленных
огней

Горят на семи их могчлах
священных.

Перевод с армянского
Н. Гребнева

Рис. В. Щапова.

Мы сидели втроем и говорили примерно полтора часа. Порой разговор напоминал обычное интервью. Это значило, что репортер чувствовал себя как бы «на службе». Но чаще коллективное размышление захватывало моих собеседников — одаренных, набирающих силу музыкантов. Формально их пути по многом схожи. Оба они появились на свет, когда шла война. Оба москвичи. Обоих выучили первоклассные педагоги. Оба «конкурсные бойцы», прошедшие в общей сложности шесть раз через жестокое горнило международных соревнований. При этом пианист Алексей Любимов единожды, а виолончелистка Наталия Гутман трижды выходили победителями из этих испытаний. У обоих недавно появились и собственные ученики. А в остальном — очень разные люди. И по характеру и по взглядам.

У ПОТУШЕННОЙ РАМНЫ

Артем
ГАЛЬПЕРИН

— Судить о музыке и музыкантах — привилегия публики. Мне хотелось бы сегодня предложить вам, музыкантам, поговорить именно об этом. Для слушателей, особенно неискушенных, впервые отправляющихся на концерт, многое начинается с афиш. И вот объявлены сольные концерты и ансамблевые, скажем, сонатные вечера. Станьте на секунду человеком, открывающим для себя новую музыку. Что вы выберете?

Н. Гутман. Я бы побежала на сонатный вечер. И с громадным удовольствием.

А. Любимов. Я бы тоже. Мы с Наташей, пожалуй, единодушны в том, что для нас интересен не исполнитель сам по себе, а какое-то свежее сочетание и интересная программа. Элемент новизны...

— Вам представляется свежим сочетание виолончели и фортепьяно?

Н. Г. Имеется в виду сочетание индивидуальностей. Какой потрясающий интерес вызвали Рихтер и Ойстрах, объявив свой концерт, именно оттого, что они были там вместе, а не порознь...

— Верно, но если бы этот дуэт не состоял из таких мощных индивидуальностей... Все-таки мне чудится какой-то дух сенсационности, управляющий сознанием публики в такой вечер... Этим духом может быть заражена самая разная публика. Кстати, для каких слушателей вам приятнее играть?

Н. Г. Я больше всего боюсь публики, которая досконально знает виолончель. Профессионалы. Вот это самое неприятное... Сразу мне тогда кажется, что я играть не умею.

А. Л. Конечно, это разные вещи — играть для себя, для знатоков или для дилетантов, хотя и разбирающихся...

Н. Г. Ну почему же для дилетантов?

— Вам не нравится термин? А не кажется ли вам, что если бы ваша публика целиком состояла из дилетантов, то есть неспециалистов, знающих музыку, может быть, с ошибками, но беззаветно любящих ее, это было бы прекрасно?

А. Л. Абсолютно! Я иду на концерт другого музыканта дилетантом. В хорошем смысле слова дилетантом.

Н. Г. Без реакции и оценки дилетантов, видимо, вообще невозможно играть, но мне полезнее замечания собратьев по ремеслу...

А. Л. Все-таки эти замечания будут иметь оттенок предвзятости. А дилетант (знаток-любитель!) не формулирует отношение заранее, и для нас это самая необходимая часть аудитории.

— На конкурсах, в частности.

Н. Г. Ну, там они делают почти все, что захотят!

— Мимоходом еще об одной проблеме, особенно остро поставленной конкурсами. Вы нуждаетесь в психологической подготовке перед выступлением? Знакомо ли вам чувство страха на эстраде?

Н. Г. Раньше не было знакомо. В детстве с радостью выходила на сцену. Конкурсы — тоже удел юности, и в ту пору появляется что-то вроде

спортивного азарта. В этом смысле сейчас проблем много больше.

— Это о страхе элементарном. А боязнь сыграть «не так» перед знатоками, часть которых на конкурсах усаживаются за стол жюри? Нарушить «стиль». Беру это слово в кавычки. Что такое «стиль»? Как надо и как не надо, по-вашему, играть, допустим, Баха?

Н. Г. Трудный вопрос. Готовых соображений нет. Из опыта исполнительского искусства я отбираю наиболее симпатичные мне черты. Свой подход еще, пожалуй, не выкристаллизовался. Вот недавно мне показалось, что я начинаю понимать в этом кое-что. А потом в Горьком мне поставили пластинку. Казальс играет Баха. У меня было сначала полное недоумение. Он все абсолютно разрушает...

А. Л. Но так, может быть, и не стоит играть?

Н. Г. Ну, подожди. О том, чтобы так играть, можно только мечтать! Но вслед за этим недоумением появляется огромное внимание к тому, что он делает, к его силе, знанию каждой мелочи, и вот выступает колоссальная крупнота, понимаешь?

А. Л. Речь шла о другом, по-моему. Сквозывающие тебя рамки — это рамки стиля или чего-то другого?

Н. Г. Наверное, стиля, традиций, которые хочется не звать или забыть, но они настолько вросли...

А. Л. Не ходи на концерты других исполнителей — мой совет.

Н. Г. Может быть, может быть... Но вообще-то надо на себя изгонять...

А. Л. Штатны!..

— Алеша, в итоге ваша позиция?

А. Л. Вообще, чем меньше внимания обращается на интерпретацию, тем лучше для меня. Мне бы хотелось, чтобы сильная или не очень сильная личность исполнителя могла бы исчезнуть и слышалась бы только музыка.

— А разве вы можете отделить себя от публики? Всегда ли вы хотите, чтобы было много народу на ваших вечерах?

А. Л. Этот вопрос связан с содержанием репертуара. Много зависит от субъективного тяготения исполнителя к определенным сферам музыки в данный момент. Скажем, работа над Гайдном, Бетховеном у меня идет параллельно с изучением музыки нашего века — и классической и новейшей. Поэтому и принцип составления программ может быть контрастным. Сочиненное вчера или позавчера соединяется на афише с сегодняшним.

Определяет границы и жанр. Камерную программу не вынесешь во Дворец съездов или в Лужники. Лучше играть в небольших помещениях, где не было бы, однако, пустующих мест. Это особенно желательно в тех случаях, когда звучит кованая, малознакомая музыка, исполнение которой требует плотного, сосредоточенного внимания. Но музыканту — существу общественному — свойственно стремление к постоянно расширяющейся аудитории. Ведь ради нее и для нее мы в конце концов работаем...

Слушайте шестую звуковую страницу журнала.

открывающая песню

7

Так сложилось, что первым или наиболее известным исполнителем многих песен, созданных композитором О. Фельцманом и поэтом Р. Рождественским, неизменно становилась Эдита Пьеха. Почему же, сочиняя песню, они нередко внутренне адресуют ее этой певице?

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Бывает, что во время концерта, объявляя артиста, конференсье долго произносит его титулы, вспоминает о победах и конкурсах, уговаривает зрителя поверить, что артист, который будет выступать, талантливый и знаменитый.

А порой конференсье просто называет имя и фамилию. Например: Эдита Пьеха. И готов спорить, что в любом зале вряд ли найдется человек, который после этих слов недоуменно пожмет плечами. Это имя широко известно.

О. ФЕЛЬЦМАН: Когда пишешь новую песню, то мысленно представляешь себе первого ее исполнителя. У Э. Пьехи, по-моему, есть и талант, и индивидуальность, и стремление к новым открытиям.

Певица не торопится вынести песню на эстраду, а прежде глубоко продумает и прочувствует ее. Идет она от мысли, вложенной поэтом в слово, и музыкальной интонации. Уловить мысль, трансформировать ее искусством исполнения и донести до слушателя — это для Пьехи главное.

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: «Не своих» песен она просто не поет. У нее красивый, сильный голос, но певица никогда не старается нарочно «показать» его слушателям. Главное для артистки — песня.

О. ФЕЛЬЦМАН: Голос Пьехи служит ей как чуткий музыкальный инструмент, многие выразительные краски его запоминаются. У нее скупой, но точный жест, и вместе с тем движения на сцене свободны. И еще одно отличает артистку. Она чувствует ансамбль.

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Ленинградский ансамбль «Дружба», с которым она выступает, высокопрофессионален.

О. ФЕЛЬЦМАН: Ее общение с музыкантами на сцене всегда органично и, мне думается, в своей основе может быть названо драматическим искусством. Певица и ансамбль воспринимаются как художественное целое. На концерт Пьехи приходишь, как на музыкальное представление. Именно театральное прочтение песни, а не концертная подача ее — вот что характерно для артистки и сообщает ее искусству такую популярность.

ополченцы

Георгий
БЕРЕЗКО

Это отрывок из первой главы романа, который я сейчас дописываю. Он называется «Дом учителя», а первая глава — «Ополченцы». И пишу я роман о том, как уже в первые, самые тяжелые месяцы войны с германским фашизмом, в самую грозную ее пору, обнаружались могучие истоки нашей великой победы — патриотизм и мужество народа.

Точно некий вирус ненависти распространялся по миру, он назывался фашизмом; проникая в мозг, он превращал человека в убийцу. И перед этой эпидемией ненависти бессильными оказались и «острый галльский смысл» и «сумрачный германский гений». Обезумевшие лавочники в центре Европы складывали костры из книг своих философов и поэтов, словно мстили за то, что философы и поэты пытались их очеловечить... С проблеском надежды Истомин следил еще в те годы за сообщениями из Испании, нищей и храброй Испании, в которой вновь зазвенел меч благородного рыцаря из Ла-Манча. На зов о помощи отовсюду устремились и Пиренеям добровольцы-интернационалисты, странствующие рыцари нашего века. Но и этот цвет человечества был частью уничтожен, частью рассеян закованным в танковую броню злом. Мадрид пал. И Виктор Константинович отнесся к этой катастрофе, как к личной. Он даже, что случалось чрезвычайно редко, поссорился с женой, когда она сказала: «Подумай о себе. Ты не спал сегодня всю ночь,

на всех тебя не хватит». Он расплился, стал кричать о позоре равнодушия, но, заметив слезы в глазах жены, тоже заплакал — первый раз после смерти матери. Так они и помирились, плача о судьбе Испании у себя в Большом Афанасьевском переулке в Москве, в комнате, заставленной громоздкой родительской мебелью, в старой коммунальной квартире на четвертом этаже.

Далее, будто в адовом кегельбане, стали валиться и другие столицы: пали Вена и Прага, Афины и Варшава, подожженная ликирующими бомбардировщиками, капитулировал Париж. И по примолкшим в унижении Елисейским полям, мимо Триумфальной арки, мимо могилы Неизвестного солдата проползли, лягая, немецкие танки. Величайшее зло пожирало целые народы, оно с неправдоподобной быстротой наливалось силой, тучнело... А в одно воскресное утро Виктор Константинович и его жена, сидя за чаем, услышали из репродуктора:

«...Двадцать второго июня, на рассвете, без объявления войны, немецкие самолеты бомбили Киев, Одессу, Львов...»

Бело-румяное, милое лицо жены сделалось — он запомнил это — слезливо-дряблым, некрасивым, и она тут же машинально стала убирать со стола, хотя они только приступили к завтраку... А спустя еще неделю с небольшим он, Истомин, автор книги «Лирическая поэзия первой половины XIX века», одним из первых в институте, где преподавал, пришел записываться в дивизию народного ополчения.

Он не размышлял тогда и не оглядывался, он действовал, как человек, над которым убийца занес руку. В парткоме, у стола секретаря, стеснились служащие института и студенты-москвичи. Они расступились перед Истоминим, и один, совсем юнец, первокурсник, громко и чересчур уж весело проговорил:

— Виктор Константинович, и вы? Вместе пойдём! Будем у вас консультироваться в свободный час.

И Истомин таким же преувеличенно бодрим тоном ответил, что, разумеется, они не будут терять зря времени, так как войны кончаются, а наука бесконечна.

Вечером того же дня жена принялась шить ему походный, заспанный мешок. Из маминной комоды была извлечена старая зеленая портьера, уррашенная узором из золотой тесьмы.

— Как раз подойдет — защитного цвета — сказала жена. — А эту дурацкую тесьму мы спорим. Они сидели за зашторенными окнами: Москва с вечера должна уже была становиться невидимой. Виктор Константинович выпил за ужином коньяку, они послушали сводку Совинформбюро, и он неожиданно объявил, что жалеет, что не летчик: был бы летчиком, а не знатоком русской поэзии — и все было бы просто и безотложно, он сегодня охранял бы воздушные подступы к Москве. Он не бахвалился, наоборот, чувствовал растерянность, и ему казалось, что, имея он настоящую военную профессию, он был бы спокойнее.

Жена оторвалась от шитья, откинула со лба волосы и жалостливо посмотрела: эта его многолетняя нянька догадывалась, какое смятение царит в его душе.

— Подойди, Витя, дай примерить на тебе лямки! — попросила она.

Через два дня Виктора Константиновича позвали к директору института: в кабинете сидела большая комиссия: товарищи из райкома, из военкомата, секретарь парткома, кто-то еще. И директор сухим тоном, не глядя Истомину в глаза, объявил, что по ходатайству кафедры ему дана «броня» и он оставлен в институте.

— А зачем, собственно? — обиженный этой сущостью, запротестовал Виктор Константинович. — Что я, хворый?

«Хворый» высочило как-то неожиданно — слово было не из его обычного лексикона и прозвучало для него самого ненатурально, неискренне.

Но военкоматский командир, пожилой, со склеротической розовой сеточкой жилок на щеках и с орденом Красного Знамени на шелковой розетке, как носили в гражданскую войну, рассмеялся: ему понравился ответ этого интеллигентно-ученого.

— Хворый... Что я, хворый? — с удовольствием повторил он.

Директор поднял на Истомину оживившийся взгляд и подобранным голосом сказал, что если Виктор Константинович настаивает, то пусть уж идет в ополчение, а он, директор, уладит дело с руководством кафедры.

И еще через немного дней их дивизия в полных колоннах двинулась по Арбату на Фили и дальше — куда-то в Подмосковье... Ополченцам не выдали пока ни оружия, ни армейского обмундирования, и они шли во всем своем, в том, что пошлое, в стареньких пиджаках, в обтрепанных пальто, в обмятых шляпах, с туристскими или самодельными рюкзаками: кто-то тащился с двумя чемоданами, на груди и на спине соединенными ремнем. Шли в колоннах — по четыре в ряд — разные люди, и шли они по-разному. Чему-то радуются, толкались и насканивали на идущих впереди школьники из девятих-десятих классов, и, глядя вниз, под ноги, поглощенные своими думами, шагали отцы и мужья, которым перевалило за сорок, за пятьдесят.

На тротуарах останавливались прохожие, в открытые окна из-за занавесок и цветов высовывались женские головы: любопытные приподнимались на цыпочки, чтобы ничего не упустить. Раз-

давались выкрики: «Возвращайтесь с победой!», «Бейте фашистов на их земле!», «Кончайте с Гитлером!» На многих лицах ясно читалась тревога: уход этих небооруженных, по-будничному одетых москвичей наводил, должно быть, на мысль, что дело на фронте обстояло хуже, чем сообщалось в сводках, если понадобилось такое вот подкрепление. Маленькая, согнутая дугой баба в черном монашеском платочке крестила уходящих мелкими, торопливыми крестиками. Недалеко от Истомина упала брошенная из окна роза, ярко-пунцовая, и точно разбилась об асфальт. Когда какой-то выбежавший из колонны паренек поднял ее, она вся осыпалась угловатыми, как черепки, лепестками.

Взойдя на Бородинский мост, Виктор Константинович оглянулся. Позади были еще видны крыши домов на Смоленской площади; где-то там находился и Старо-Конюшенный переулок, в котором формировался в здании школы, в классных комнатах, их полк. Справа и слева безветренный вечер; по горизонту в остывающем, оранжево-дымном воздухе виднелись тонкие вертикали заводских труб; неярко там и тут блестели купола церквей — вокруг еще была Москва, его, Истомина, город. Но уже остались позади и университет на Моховой, в котором он учился, и Ленинская библиотека, где он, усердный студент и филолог, познакомился в читальном зале с девушкой из педагогического, ставшей его женой, и Красная площадь, и площадь Маяковского, и Ваганьковское кладбище, где были похоронены его мать и отец. — Позади осталась вся его жизнь. И невыносимое чувство конца этой жизни — расставания, разрыва, вечной утраты — поразило его. Никто из людей, уходивших в тот вечер из Москвы, не знал, что именно их всех и каждого в отдельности ожидало, не знал этого точно и Виктор Константинович. Но впервые ему во всей реальности представилось: он уходил от своей жизни на войну. Впереди, там, куда все направлялись, была она, война, фронт, бой — нечто бесчеловечное. И как будто белые молнии реальности уже впереди, в засиневшем к ночи воздухе — немые, неслышные, видимые пока лишь ему одному.

На мосту, догоняя своих мужчин, пробегали жены — простоволосые, с лицами мучениц. Стайка девочек-пионерок пронеслась навстречу, тоже кого-то разыскивая. И тогда ополченцы, не сговариваясь, запели — один начал, другие тотчас подхватили: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...» Они пели, ободряя тех, кто оставался, и самих себя, пели крикливо, напрягая голоса, бросая вызов всем угрозам, всем — черт побери! — смертям, перебарывая свое томление. Вместе со всеми отчаянно громко пел и Виктор Константинович...

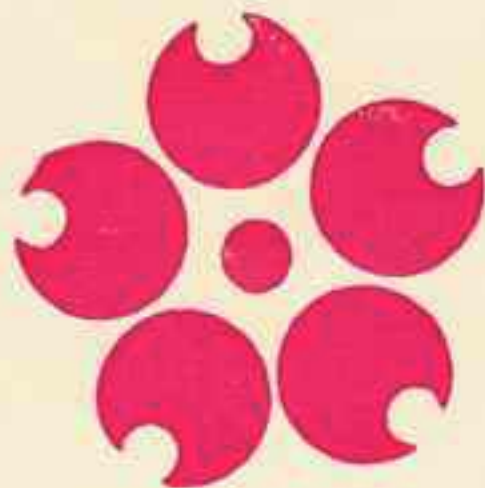
За заставой пенне так же почти разом прекратилось и шеренги сломались; вскоре кое-кто стал с непривычки отставать. Этот первый марш оказался довольно долгим: взошла луна, и зашла луна, забрезжил рассвет, а ополченцы все брели, растянувшись кучками по шоссе. И утро, солнечное, свежее, наполненное птичьим гомоном, застало во всей своей прелести, когда их остановили на дневку. Но Истомин был не в силах уже обрадоваться этому новому дню: без мысли павалился он в мокрую, облитую росой траву.

Впервые я приехал в Сенри, на площадку будущей Всемирной выставки, дождливым мартовским днем 1967 года. На склонах холмов густо толорщился мелкий бамбун, в узких ложбинах чернели невозделанные рисовые поля. На вершине одного из холмов высился просторный красно-белый шатер. В нем при стечении многочисленных гостей состоялся старинный синтоистский обряд «Очищения и поднятия земли». Без этого обряда в Японии никакую стройку начинать не принято.

Перед алтарем, на котором лежали дары земли — рисовые лепешки, овощи, фрукты, одетый в белое священник прочитал молитвы, просил бога оградить выставку от тайфунов, землетрясений и ниспослать ей успех.

Один за другим подходили к алтарю руководители японской ассоциации «Экспо-70». Они символически срезали траву, взрыхляли и мотыжили землю, а затем над холмами Сенри звучали девичьи голоса. 160 девушек из школы театрального ис-

ОСАКА

кусства Танарадзука исполнили сюиту «Песни народов мира».

И вот я снова в Сенри. С обзорной площадки отирается панорама выставки. Я вижу город, главный девиз которого — прогресс и гармония человечества.

Это ощущение усиливается еще больше, когда вы, стоя на ленте движущегося тротуара, совершаете прогулку вдоль улиц этого города. Удивляет уже сам тротуар, проложенный в прозрачной пластмассовой трубе с кондиционированным воздухом.

Рядом с павильонами японских компаний «Нешенель» и «Фурукава», построенными в строгом соответствии с правилами старинной архитектуры, ослепительно сверкает на солнце павильон Канады. В его зеркальных стенах — непрерывно меняющиеся фрески оживающей жизни.

Павильон США глубоко «зарылся» в землю. Над зелеными откосами газонов виден лишь надувной матрац крыши. Площадь ее более 11 тысяч квадратных метров. Павильон Англии, наоборот, оторвался от земли. Он как бы

подвешен на стальных тросах и четырех консолях.

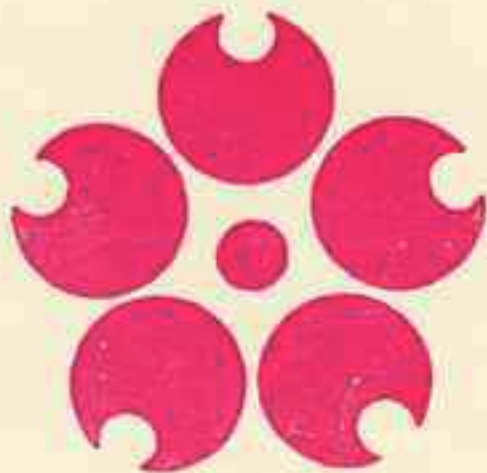
Возле северного входа выставки, словно гигантский алый стяг, увенчанный эмблемой труда — серпом и молотом, на сто с лишним метров устремился в синее небо павильон Страны Советов. По мнению специалистов, павильоны СССР и Канады — самые впечатляющие.

В центре выставочного города раскинулась зона символов. Ее прозрачная крыша как бы парит над землей. Она столь велика, что на ней можно было бы разместить пять футбольных полей.

Под этой крышей на площади фестивалей будут проходить самые яркие праздники выставки: национальные дни стран-участниц, карнавалы, концерты и представления, в которых выступят лучшие артисты и художественные коллективы мира.

В зоне символов можно будет увидеть паровую машину, построенную Уаттом, посмотреть передачи на гигантском экране цветного телевизора, работающего с использованием лазерной техники, и не только познакомиться с

«ЭКСПО-70»

космическими кораблями, но даже совершить фантастическое «путешествие» в манящие просторы космоса.

Евг. ОКСЮКЕВИЧ

Тонно,

На одиннадцатой звуковой странице — песни выставки:

«Здесь, на холмах Сенри, сердца людей сливаются в одно горячее сердце. Пожмем друг другу руки...»

«Люди мира, здравствуйте...» (Гимн «ЭКСПО-70»).

«Люди всей земли встречаются на площади Мира. А это значит, что мечты их осуществляются» (Марш «ЭКСПО-70»).

Осака: Восток и Запад, наследие предков и неутолимая жажда нового (снимок слева).

Гигантский алый стяг — павильон Советского Союза. Наддувной матрац крыши павильона США. Все это панорама города и строительства выставки «Экспо-70» (снимки справа).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ОТМЕТИЛА
ЕЖЕГОДНЫМИ ТРАДИЦИОННЫМИ ПРЕМИЯМИ
ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ 1969 ГОДА.

1(70) январь 1970

слушайте

в

номере

Селинин Ф.,
секретарь
Начманарского
горкома партин.
Звуковая
публицистика:
«Я построил город»
(№ 5).

Штеинбер М.,
ученый (ГДР).
Звуковая
публицистика:
«Исповедь будущему»
(№ 8).

Гальперин А.,
журналист.
Звуковые очерки
(№ 2, № 5).

Соснора В.,
поэт.
Литературный
и звуковой очерки:
«Слово о полку
Игореве» (№ 5).

Гаврилин В.,
композитор.
Цикл песен (№ 6).

Пахоменко М.,
певица.
Исполнение песен
В. Гаврилина (№ 6).

Эрнстави Д.,
заслуженный
художник
Грузии.
Обложка (№ 7).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки
ковер «Семья»
работы художника
К. Егиазаряна.
Армения

Режиссер
Н. Субботин
Художник
В. Шапов
Техн. редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

Б 06092
Подп. и печ. 18/XII
1969 г.

Формат бумаги
84 × 108/16

Усл. п. л. 1,68

Уч.-изд. л. 1,4

Тираж 350 000 экз.
Зак. 3283. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24

1. А. И. Микоян: «События
разворачивались «по Ленину».
2. «Вашим, товарищ, сердцем
и именем...» Пластинка поэтов.
3. «Алло! Мезозойская?» —
монолог начальника Тюменско-
го геологического управления,
Ю. Г. Эрвье.

4. «Орбита начинается с Зем-
ли». Песня-репортаж о первом
космонавте.

5. «У нас на юге — минус во-
семьдесят». Репортаж из Ан-
тарктиды.

6. Концерт после диалога ве-
дет А. Любимов. В программе:
И. С. Бах. «Сарабанда» из 5-й
сюиты для виолончели; Веберн.
Две маленькие пьесы для ви-
олончели и ф-но; Скрябин. Две
прелюдии, соч. 74. Исполни-
тели: Н. Гутман и А. Любимов.

7. Поэт Эдита Пьеха, М.
Фрадкин, Е. Долматовский.
«Белые ночи»; О. Фельцман,
Н. Олев. «Никогда».

8. Музыка, молчавшая двести
лет. Антонио Сальери. Фраг-
мент концерта для флейты и
гобоя с оркестром.

9. Наши премьеры. А. Пахму-
това, М. Львов. «Сидят в обним-
ку ветераны»; С. Томин, Ю.
Друнина. «Ветер юности». Ис-
полняют вокальный квартет
«Анкорд», В. Трошин и оркестр.

10. Танцевальные ритмы. Иг-
рает оркестр п/у В. Людвигов-
ского.

11. Японские композиторы —
для Осана: «Пожмем друг другу
руки», Гимн «Экспо-70», «На
площади Мира».

12. Эстрада планеты. Испан-
ский певец Рафаэль представ-
ляет мексиканскую песню «Лу-
на» и песню Мануэля Алянто
«Аве Мария».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

Д. САМОЯЛОВ

Имя его было проклято. Слух аудитории был закрыт для его музыки. Музыканты редко и неохотно исполняли его произведения.

Что мы знаем об этом человеке? Об Антонио Сальери? То, что он убил Моцарта. Печальная слава отравителя вот уже скоро два века преследует его загробную тень.

Пожалуй, только специалисты, изучающие жизнь и творчество Моцарта и Сальери, знают, что версия о смерти Моцарта от яда не доказана. Что легенда возникла без достаточного обоснования, как, впрочем, всегда возникают легенды.

Различные доводы и контрдоводы приводит ученые, врачи и даже криминалисты, изучающие причину болезни и смерти молодого Моцарта. Время, надеюсь, решит их спор, приоткроет зловещую тайну и, быть может, снимет подозрения с имени прославленного в свое время музыканта — Антонио Сальери.

Для нас, любителей искусства, самый веский довод против Сальери — трагедия Пушкина, где поэт явно принимает версию об отравлении Моцарта. Существует мнение, что в пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери» взята лишь проблема в общем виде, что историческое ее обрамление условно и так же условно названы лица. Этого быть не может. В бумагах Пушкина найдены записи о смерти Моцарта и о подлинном историческом Сальери. Да и не мог Пушкин со своим высочайше развитым чувством чести назвать убийцу именем реально существовавшего человека, то есть, решая нравственную проблему, идти на явно безнравственный поступок. Пушкин обвиняет Сальери. Пушкин убежден в том, что Сальери — преступник. И силой своего гения, весом своего морального авторитета убеждает в том нас.

Мог ли Пушкин ошибаться?.. Ошибаться мог. Он был эмоционален. Но что делать нам? Забыть о судьбе Сальери, не слушать его защитников и остаться на привычной точке зрения, поскольку она подкреплена авторитетом Пушкина? Или опровергнуть Пушкина, реабилитировать Сальери?

Придворный музыкант, карьерист, завистник, недоброжелатель.

А ЧТО БЕЗ МОЦАРТА САЛЬЕРИ?

интриган — что угодно, но не отравитель!.. Может быть, кому-то выгодно было возложить вину за гибель Моцарта на этого неприятного человека?.. Может быть, и Пушкин был добрее к Сальери, чем нам кажется, ведь в драме сказано устами Сальери:

Гений и злодейство
Две вещи несовместные.

Неправда!

А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы —
и не был
Убийцею создатель Ватикана?

Сальери Пушкина готов реабилитировать Буонаротти.

Таков Сальери Пушкина. Но гениальное прозрение поэта увидело его все же не таким, каким представляют его себе некоторые современники. Вот что писал известный немецкий музыкальный деятель Фридрих Рохлиц в 1822 году своему другу: «...Ко мне без предупреждения вошел любезный старый господин сравнительно маленького роста, худощавый, со значительными и в то же время мягкими чертами лица, живыми, веселыми глазами, изящными и учтивыми манерами: как мне показалось, ему было шестьдесят; впрочем, позже я узнал, что он на десять лет старше... «Милостивый государь, — говорю я, — вы?..» «Старик Сальери».

Можешь себе представить мою радость! Не успели мы сесть, как начали говорить так, как будто долгие годы жили вместе... Речь зашла о Гайдне и Моцарте.

Среди произведений Моцарта он любит больше всего квартеты, а из опер — «Фигаро». «А концерты?» Он согласился со мной, что по богатству замечательных, оригинальных мыслей, а также артистизму и проинкиновности исполнения они занимают первое место среди инструментальных произведений Моцарта.

«А реквием?» «Ах, — сказал он торжественно, — обычные слова здесь не годятся. Его написал Моцарт после очень рассеянной жизни, перед лицом смерти, как дар вечности, святой дар».

На восьмой звуковой странице поэт Д. Самойлов представляет музыку Сальери.

РАФАЭЛЬ

Испания

Темпераментная мексиканская публика считает, что о Рафаэле, молодом испанском певце, возможны только полярные суждения. Я не принадлежу к сторонникам крайних точек зрения, просто люблю его голос, махеру исполнителя, люблю слушать Рафаэля. Когда он поет, он смеется, плачет, танцует, жестикулирует. Движения его гармонично связаны с песней, с ее настроением. Недаром говорят: «Каждая его песня — трехминутная драма».

Родился Рафаэль в 1945 году в семье андалузского крестьянина. С той минуты тишина покинула старый испанский дом. Отец только разводя руками притворно сокрушается: «Господи, за какие же наши грехи ты наградил сына семью легкими!» С шести лет (родители к тому времени поселились в Мадриде) он начал петь в хоре ближайшего колледжа капуцинов. Прилежанием не отличался, его трижды исключали из школы, но трижды и восстанавливали. Капуцины быстро раскусили, что церковный хор без голоса Рафаэля привлекает значительно меньше прихожан и монеты в мистических кружках позволяют не так часто.

Петь в хоре было его обязанностью. Петь на улицах, дома, для друзей — призванием. Он пел всегда, пел всегда.

В шестнадцать лет Рафаэль впервые выступил перед широкой аудиторией, а в семнадцать его ожидал подлинный успех на телевизионном фестивале в Барселоне... Затем, как водится, турне, турне... Признание в Париже — победа в парижской Олимпии сделала его известным.

Рафаэль поет на испанском, итальянском, французском и английском. Пластинки с его песнями расходятся большими тиражами, фильмы с его участием приносят немалый доход продюсерам. И хотя в его песнях больше «чистого неба, чем туч», для него существуют боль и страдания, несправедливость и угнетение, жестокость и ложь.

Мне нравится, как он отвечает поклонникам своего искусства: «Я не кумир. Просто парень, который поет».

Л. НОВИКОВ

